

... И вдруг я получил странное предложение: написать о современной русской прозе. Тема большая, как просторы нашей Галактики. Писать об этом — безумство. Не написать — глупость, потом вода не будет, не простишь себе. Но как писать? Перегрузить текст наукообразными терминами, напустить туману... Или смиренно высказать собственное скромное, сугубо личное мнение. Пожалуй, последний вариант хоть как-то сможет оправдать мою попытку объять необъятное.

Согласитесь, напиши я просто «мысли вслух» на эту тему, то потом, перечитав, пойму, что по каждому абзацу можно смело писать статью или книгу.

Итак, проза. Кстати, есть такое устойчивое выражение — проза жизни. Что это? Пустяковина. Чепуха. Рутинка. Бытовуха. Нудятина. Сейчас и на литературную прозу смотрят вот так.

А если посмотреть на это устойчивое выражение с другой стороны? Проза и жизнь. Проза, сохраняющая жизнь. Литература, оберегающая жизнь. Романы, обучающие людей жизни. Литература, спасающая страну. Совсем другое дело! А ведь так и было всегда.

В последнее время в прессе все чаще мелькают словосочетания с основным понятием «безопасность страны». Кроме основной, военной безопасности, есть еще много других безопасностей. Как говорится, «наука умеет много гитик*». Продовольственная безопасность. Информационная безопасность. Экологическая безопасность.

Рискну предложить совершенно новое, но совершенно необходимое понятие «беллетристическая безопасность». Звучит хорошо, похоже на баллистическую. Только это серьезней ракеты, посерьезней атомной бомбы. И это не шутка, не преувеличение.

Последнее время русскую прозу используют чаще как повод гордиться перед всем миром: а вот даже Америка до сих пор читает Толстого! Да мы и сами, всем

* «Наука умеет много гитик» — в одних случаях крылатая фраза может означать, что науке известно очень многое, о чём мы до сих пор и не слышали. В других — что не нужно искать смысл там, где его нет (поскольку слово «гитик» не имеет смысла). Наконец, эта фраза может использоваться как просьба не произносить слова, смысл которых говорящему неизвестен. (Первое употребление выражения «Наука умеет много гитик» в качестве крылатого выражения зафиксировано в 1900 году в переписке А. П. Чехова с П. А. Сергеенко. Первое использование в литературном произведении — повесть Е. И. Замятина «На куличках» (1914).)

миром, в прямом эфире читаем «Войну и мир». Закрепляем скрепы. Не уверен, что после этой акции резко увеличилось количество россиян, прочитавших полностью роман Льва Толстого. Это как в деревне: ладно, там за меня поп помолится, а мне косить пора. Да и начитанность западной публики слегка преувеличена.

Актеры, участвующие в съемках нового сериала ВВС «Война и мир», не смогли прочитать эпопею Толстого. Об этом узнал корреспондент британского издания The Daily Telegraph, передает RT.

Оказалось, что практически никто из актеров нового сериала не смог прочитать «Войну и мир» за период съемок, на которые ушло больше двух лет и которые проходили в трех странах.

Лили Джеймс, исполняющая в сериале роль Наташи Ростовской, начала читать роман только после того, как ее утвердили на съемки. Роман, по ее словам, она начала читать на съемках «Аббатства Даутон». Книга поразила ее в самое сердце, однако дочитать это произведение пока у актрисы никак не получается.

Джеймс Нортон, играющий князя Болконского, книгу таки осилил. Хотя читать приходилось по десять страниц в перерывах между дублями. Теперь актер с удовольствием причисляет себя к тем «немногим снобам, которые могут похвастаться, что читали ее».

Только не считите эти скромные размышления за «плач Ярославны» или авторское брюзжание. Дело в том, что самой-то Прозе абсолютно индифферентно — читают ее сейчас или будут читать через сто лет. Это как чистая вода в природе — хочешь сейчас напейся или потерпи недельку, если не умрешь, а она есть, она совершает свой кругооборот в природе. Это не мы нужны ей, а она нам необходима, как обоснование жизни.

О Толстом и Америке чуть позднее. Да, читают. Но среди читающей публики в Америке популярен русский писатель Толстоевский, и это не анекдот.

Важнее нам самим определиться — что есть русская проза для страны. Развлечение для почтенной публики? Структура, обслуживающая власть наряду с сервильной прессой? Клуб тихих сумасшедших, тихо поскрипывающих перышками? Как много у нас прозаиков? Несколько десятков тысяч в многочисленных Союзах писателей да плюс миллион на различных литературных сайтах. А прозы уже почти нет. Удушили. Заменили. Подсунули фальшивку. А страна не заметила подмену.

Согласитесь, что-то неладно в нашем бумажном королевстве. Вот статистика, которую недавно опубликовали российские СМИ.

Список наиболее издаваемых авторов по художественной литературе в 2014 г.

	Число книг и брошюр, печ.ед.	Общий тираж, тыс. экз.	Печ. л.-отт., тыс.
Донцова Д. А.	95	1683.0 1132.8	23088.4
Стаут Р.	72	1132.8	18874.0
Полякова Т. В.	58	663.2	8701.6
Маринина А. Б.	50	661.2	10333.0
Устинова Т. В.	40	593.5	7891.9
Рой О. Ю.	41	542.0	8243.9
Колычев В. Г.	41	511.2	6878.6
Шилова Ю. З.	38	506.0	6127.0

	Число книг и брошюр, печ.ед.	Общий тираж, тыс. экз.	Печ. л.-отт., тыс.
Кинг С.	61	453.5	12224.8
Вильмонт Е. Н.	42	424.0	5549.6
Джеймс Эл	3	405.0	12282.9
Достоевский Ф. М.	68	394.8	11740.1
Акунин Б.	42	377.5	6349.5
Литвиновы А. и С.	41	373.2	5014.7
Ремарк Э. М.	48	353.4	6408.5
Рубина Д. И.	53	344.4	7215.6
Толстой Л. Н.	49	328.5	10629.5
Александрова Н. Н.	«4	324.0	4072.7
Серова М. С.	38	318.2	3790.4
Калинина Д. А.	43	313.3	3938.7

Итак, Достоевский Федор Михайлович, гордость русской литературы, на двенадцатом месте, Лев Толстой — на семнадцатом. Так и вспоминается сакраментальное: «Шарапов, твое место шестнадцатое!» А остальной Русской Литературы, настоящей Прозы как бы и не просматривается в издательском выборе.

Но позвольте, скажете вы, да тут вообще многие авторы не имеют отношения к Русской прозе! Что они пишут? Ну, сляпали ребята чтиво, дамский роман, детективчик... Это же разные вещи. Это же не проза!

И все же — что есть Проза, что нам толкуют словари?

Проза — это письменная речь без деления на соизмеримые отрезки — стихи; в противоположность поэзии ее ритм опирается на приблизительную соотношенность синтаксических конструкций (периодов, предложений, колонов).

Да, согласитесь, очень расплывчатое определение. Так и заявление от жильцов дома тридцать пять в ЖЭК можно назвать прозой. А уж коллектив авторов под именем «Донцова» — тем более прозаик.

А что такое русская проза в понимании тех, кто служит Ея Величеству, с точки зрения тех, кто любит читать настоящую Прозу?

Тут каждый ответит по-своему. Для меня проза — это исповедь. Это правда, которую надо рассказать людям. Иногда — желание, чтобы описываемые события случились. Проза — это работа, которая не отпускает тебя до тех пор, пока ее не закончишь. Это мысли среди ночи, это голоса, разговоры, это литературные герои, которые могут быть более живыми, чем некоторые биологические существа с паспортом в кармане. Проза — это вздорные характеры персонажей, которые черт знает что вытворяют помимо воли автора. Проза — это то редкое и неповторимое удовольствие, когда ты знакомишь персонажа с прототипом. Это еще и абсолютное спокойствие, после того как написаны последние слова повести или романа: они сами разберутся — когда и где им появиться, на каких страницах, в каких краях, в какие годы. Проза — это реально существующие параллельные миры.

Русская Проза двести с лишним лет была для России всем. Хорошо кто-то сказал: у нас настоящая История — это русская литература. А еще наша проза — это и география, и психология, и экономика, и многое, многое другое. При тех масштабах страны, что мы имели, проза выполняла роль того связующего элемента, государственного цемента между народами и регионами, которая сейчас утеряна.

По книгам учились жить, действовать, проверять свои поступки. Купил за рубль двадцать книжку, прочитал, — словно курс лекций в университете прослушал.

И вот эту прозу убивают на глазах. Она выживала в самые страшные годы. При Ленине и Сталине, при Хрущеве и Брежневе. Писателей отстреливали, как тетеревов на току, сажали и выкидывали из страны, а литература не просто жила, она была лучшей в мире. Этого часто не замечал Нобелевский комитет, созданный на деньги, заработанные Нобелем в России. К прозе снисходительно относилась власть: «Я писатель. Прозаик». — «Про каких еще... заек?!» Но талантливая, необходимая стране проза жила.

Потом пришла свобода слова, и прозу быстренько заменили чтивом. Тиражи литературных журналов от сотен тысяч и даже миллионов упали до двух-трех тысяч. Писателей перестали приглашать на телевидение, сейчас там политические и нравственные проблемы чаще комментируют, заикаясь, звезды шоу-бизнеса или все те же создатели чтива.

Слегка надоевший русский вопрос: кто виноват? Власть? Издательства? Читатели? Сами писатели? Кто-то еще?

Ответ очевиден: виноват в равной степени каждый из выше перечисленных. Начнем по порядку.

ВЛАСТЬ

Почти все царское и советское время писатели жаждали свободы. Долой цензуру!

И в самом деле — свобода слова превыше всего!

Не все молодые читатели знают, что в каждой области всю прессу при СССР цензурировал свой Обллит. Официально: комитет по защите гостайны. А если совсем просто сказать — контора по цензуре. Все пишут, говорят, вешают, а он — Главный. Если что не так — вычеркнет красным карандашом.

Я работал на Камчатском телевидении в восьмидесятые годы. Тогда мы очень смешно сохраняли государственную тайну. Журналистам, например, не разрешалось говорить о том, что на Камчатке есть воинские подразделения. Пограничники есть, а летчиков, танкистов, ракетчиков, подводников и просто пехоты нет. Легендарная Чапаевская дивизия — это не у нас.

И про какое там «осиное гнездо», которое надо разорить, говорит госсекретарь США Генри Киссинджер — непонятно. Какие атомные субмарины нужно разбомбить? Неясно.

А еще у нас «секретили» топографические карты, заставляли тушью замазывать высоты — цифры, указывающие высоты гор, хребтов, перевалов. Один мой приятель из-за такой вот карты лишился возможности работать по профессии. Пилоты, перед тем как высадить его отряд где-то на Восточной Камчатке, попросили его планшет, у них была «полумиллионка», а нам выдавали «стотысячную», поточнее. Карту сдуло с колен второго пилота, отряд две недели ползал по тундре на четвереньках, все искали этот чертов планшет. Потом его лишили допуска к секретным материалам, остаток жизни он проработал в камнерезке, пилил минералы, но нет худа без добра — собрал хорошую коллекцию минералов.

Кстати, через месяц после потери карты ему привезли с Аляски точно такую же, только вся топонимика была на английском языке. И все высоты там были прописаны правильно, мы проверили.

А у последних царей вообще было несколько типов цензуры: Религиозная, Военная, Почтовая, Иностранная, Журнальная и газетная, Театральная, Кинемато-

графическая (это при том уровне кино — без цвета и звука!), была еще и Цензура научной и научно-популярной литературы.

Цензура была страшная, а литература лучшая.

Но писатели в годы перестройки продолжали кричать. К чему нам издательские планы? Долой Дома творчества! Дашь альтернативные союзы писателей!

Дали. Получилось в точности по Высоцкому: «Мне дали вчера свободу, что я с ней делать буду!»

Издаваться можно хоть каждый день, успевай только платить, творческих союзов уйма, а насчет Домов творчества, похоже, зря бунтовали.

И тут вспомнили, что кроме цензуры — политической и общегосударственной — еще были в Советском Союзе творческие требования. Что это значит для нормального, вполне обычного прозаика? То, что рядом с тобой не напечатают опус махрового графомана.

Сейчас за деньги печатается опасное количество графоманов, а тогда подобное безобразие было просто невозможно представить. Были серые писатели, были скучные писатели, были и графоманы, но их не ставили в издательские планы.

Сейчас затосковали: раньше-то с молодежью работали — от сети литературных объединений до семинаров, совещаний молодых писателей, рекомендаций в Союз писателей. Конечно, много талантливых оставалось за бортом Союза писателей СССР, но такого наплыва безликих, бездарных, безграмотных, без... без... без... еще не было.

Еще вспомним, криво улыбаясь: раньше журналы гонорары платили, а сейчас, в лучшем случае, бесплатно опубликуют. А чаще попросят заплатить за публикацию этак несколько тысяч наших быстро конвертируемых рублей.

И опять вздохнут: раньше-то у литературных журналов тиражи были от сотен тысяч до миллионных, а сейчас три тысячи за счастье считают.

Получил на днях пару авторских экземпляров журнала «Смена» и ахнул: некогда мощное издание, выходившее большим форматом, миллионными тиражами, где считали за честь печататься Маяковский и Зощенко, Алексей Толстой и Горький, скукожился до размеров школьной тетрадки. Нет, и сейчас опубликоваться там — большая честь, но совсем недавно он был «толстым» журналом, выходил два раза в месяц тиражом три с половиной миллиона экземпляров, а сейчас... три тысячи.

В одном питерском журнале старушка-секретарша пригласила меня присесть на продавленный задницами классиков стул, взяла и зарегистрировала мой рассказ, а потом как-то просто и честно (O sancta simplicitas! — воистину, святая простота!) сказала: «Понимаете, у нас уже сложился свой баланс. Авторы наши пишут, а потом они, их друзья и родственники выкупают весь тираж. Мы боимся нарушить это шаткое равновесие. А вдруг вы не понравитесь нашим авторам? Они уйдут, а вы свою часть тиража не выкупите, журнал погибнет».

Уходя, подумал: раньше на каждую рукопись редакции и издательства рецензию писали, даже безнадежным авторам советовали читать Пушкина, а теперь вышлешь, и как в прорву, молчат, как вымерли. Лучше бы обматерили...

Другими словами, власть не отпустила русскую литературу на свободу, а просто выкинула ее на улицу.

Скажете, так всегда было. «...и не «Милорда» глупого, Белинского и Гоголя с базара понесут». Так ведь сбилось на какое-то время — несли Белинского и Гоголя.

Нет, конечно, наш президент на свой день рождения регулярно пьет чай с писателями. Вот и наемни, пишет «Независимая газета»:

«После этого присутствовавшие на встрече писатели переместились в отдельную комнату. В группе общавшихся с Путиным были замечены Сергей Ми-

наев, Захар Прилепин, Татьяна Устинова, Дарья Донцова, Александра Маринина и представители различных издательств».

Кажется, я уже упоминал эти имена. Ах, да, они лидеры списка наиболее издаваемых авторов. Это раньше было, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино и цирк» (да-с, господа, и цирк, говорил Ильич). Сейчас «цирка и в жизни хватает», и важнейшим искусством стало умение правильно читать намеки власти.

Не так давно один из центральных телеканалов долго тележил данные соцопроса. Речь шла о литературе. Точнее, о читателях. Было видно, что инициаторам опроса очень хотелось вернуть россиянам статус самой читающей державы. Ну не все же — чтиво, ток-шоу с мордобитием и рыданиями, не только длинные и бездарные сериалы. Духовности захотелось нашему ТВ.

И вот выяснилось, что в нашей стране до сих пор вполне читающее население. Шестьдесят процентов имеют электронные книги, остальные читают бумажные. Сорок процентов предпочитают детективы, тридцать процентов — исторические романы, двадцать процентов — поэзию. Что-то вроде некоторых сводок Избиркома, с конечным результатом в сто сорок процентов. Забавно то, что организаторы забыли включить в опрос обычную прозу, тот жанр, в котором работали Толстой и Достоевский, Чехов и Булгаков, Виктор Астафьев и Василий Белов.

Так в чем же главная тайна русской литературы? Чем она отличается от литературы западной? Все просто. Вы помните — как по-английски будет проза? Fiction. Фикция. Вымысел. Игра воображения. А настоящая русская литература — это всегда правда. Правда жизни. Это как раз то место, где и царю говорят в лицо все, что думают.

ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

Большинство издательств работает по принципу «платите и забирайте тираж», при этом мало кто интересуется качеством прозы. Издательства посерьезнее сами определяют, кого издавать, а кто будет издаваться сам. Наверное, это рыночный и общемировой принцип. Даже в легендарном русскоязычном ИМКА-Пресс в Париже вначале деньгами интересуются, у меня спросили: какую сумму смогу я заплатить за издание книги. Сказал, что почти ничего не смогу с таким-то курсом евро, но тема интересная, для них — новая... Повесили трубку.

Получается, что графоман с деньгами имеет больше прав, чем талантливый, но небогатый писатель. Время святых Сытиных прошло, трепетное служение издателями русской словесности превратилось в обычный бизнес.

Обычную прозу сейчас современные Сытины считают некоммерческим жанром. На весь Санкт-Петербург только один книжный магазин «Книжная лавка писателя» принимает на реализацию книги, изданные питерскими авторами (но только у членов Союза писателей России и не более одного экземпляра!) — есть там у них на Невском унылая полка в дальнем углу.

Конечно, можно найти спонсора и за пятьсот тысяч рублей издать книгу прозы тиражом аж в тысячу экземпляров. А дальше? Себестоимость книги будет такой высокой, что продать ее просто невозможно.

Да не берут и другие книжные магазины на реализацию чужие книги. Мы для них тоже «не формат». Свой же товар сетевые гиганты книготоргового бизнеса оценивают дорого, простому читателю и не по карману.

Когда-то Венечка Ерофеев свою легендарную книжку «Москва — Петушки» просил оценить в два рубля восемьдесят семь копеек по существовавшей тогда цене бутылки водки. Сейчас книги стоят наравне с элитным алкоголем. Пока водка

считается среди большинства сограждан предметом первой необходимости, то книга — помощник и учитель — не должна стоить дороже бутылки. Этот чисто русский, как говорил кот Бегемот, «тщательно упакованный силлогизм» иностранцы не поймут.

Кстати, о Венечке Ерофееве и Гомере. Вас удивило это соседство? А вот писатель Дмитрий Быков объявил повесть (?) «Москва — Петушки» современной русской Одиссеей. Проблема выбора между портвейном «три семерки» и «плодово-выгодным вином» приравнивается к этакому проходу между Сциллой и Харибдой. Пьяные галлюцинации, вероятно, идентичны в современном прочтении песням сирен. Похмельная тоска, вероятно, олицетворяет разлуку с Пенелопой. И все это преподносится как Трагедия русского мужика.

Господа, это не может быть трагедией, если лечится за пять минут правильным опохмелом. А неправильный опохмел, как известно, приводит к запою.

Еще писатель Д. Быков считает, что автор повести «Москва — Петушки» создает новые топосы. То есть описывает места, ранее никем не описанные. Что тут можно сказать! Топос, созданный в полупьяном бреду? Со времен Петра Великого русским штурманам было наказано, как заполнять вахтенные журналы: «Пишем то, что видим, того, что не видим, не пишем». Что мог увидеть наш пьяный герой?

Между тем создателей топосов в Русской Прозе было немало. Да и сейчас те прозаики, которые создают свой мир на реальной русской земле, не могут не описывать ее: природу и города, людей и нравы, историю и характеры.

Но вернемся к книжным магазинам. Мало того, что дорожные сетевые книжные магазины заставили свои полки чтивом и фэнтези, так они еще и вторглись на суверенную литературную территорию — начали печатать в красивых обложках пересказы популярных фильмов. Не сценарии или синопсисы, где должна работать фантазия читателя, а просто подробные пересказы фильмов.

Нельзя сказать, что это совсем уж новый жанр. Новизна его только в том, что он издан на хорошей бумаге. А так, в вербальном исполнении, это творчество в местах лишения свободы называется «роман». Чтобы ослабить информационный голод, поразвлечь братву, старшей вечером дает команду: «А ну-ка, Шнырь, травани что-нибудь!» И тот, как правило, пересказывает какое-нибудь интересное кино.

А еще издатели любят серии «100 чего-нибудь там»: «100 писателей», «100 сражений», «100 великих полководцев» и т. п. Мысль понятна — купи и приобщись к культуре. Книги эти изданы дорого, с отличными иллюстрациями, поэтому и цена приличная. Я все думал: что же мне они напоминают? Дорого, толку от таких книг нет, одна каша в голове у молодых читателей, стиля, языка, художественных достоинств тоже нет. Но престижно. Поэтому дорого. Что же это напоминает... Вспомнил! Гоголевский арбуз. Помните, в «Невском проспекте» говорится о том, как «лежит на витрине арбуз за сто рублей и ждет своего дурака».

КИНО

Кино изначально было второй производной от прозы. Это литература породила кино, но до сих пор не может сказать подобно гоголевскому Тарасу: «Я тебя породила, я тебя и убью». Хотя есть за что. Не будем сейчас обсуждать малобюджетные сериалы и боевики,

Это не искусство вообще, а место для размещения рекламы.

А вот некоторые экранизации классических произведений вызывают не только яростные споры, но и (для неокрепших читательских душ) отторжение от литературы.

Два наиболее характерных примера — это «Трудно быть Богом» и «Тихий Дон». Оба произведения доведены до экранного показа сыновьями режиссеров, что уже похоже на тенденцию, можно сказать, «сыновнего синдрома».

Повесть братьев Стругацких «Трудно быть богом» была написана в славные времена хрущевской «оттепели», работа над фильмом началась в эпоху брежневского застоя, продолжилась в годы генсековских похорон, продолжалась сниматься уже в другой стране — России, при другом общественно-экономическом строе, и, наконец, была завершена Германом-младшим.

Конечно, при таких кардинальных изменениях исторического фона трудно было попасть в нужную тональность. Тем паче, что все съемки были сделаны по мотивам повести Стругацких, но, по сути, с точностью наоборот.

Дон Румата — веселый, сильный и добрый прогрессор с Земли — в фильме получился тупой, спившейся скотиной. Он не говорит, а что-то бормочет себе под нос, иногда хватая собеседника за шкирку, чтобы тот его лучше понял. Он не ест, а жрет, даже любовь там — плевков в физиономию.

Он очнулся и разжал ладонь.

— Нет-нет... А еще что ты делала?

— А еще я прибрала твои комнаты. Ужасный у тебя все-таки развал. Я нашла одну книгу, отца Гура сочинение. Там про то, как благородный принц полюбил прекрасную, но дикую девушку из-за гор. Она была совсем дикая и думала, что он бог, и все-таки очень любила его. Потом их разлучили, и она умерла от горя.

— Это замечательная книга, — сказал Румата.

— Я даже плакала. Мне все время казалось, что это про нас с тобой.

— Да, это про нас с тобой. И вообще про всех людей, которые любят друг друга. Только нас не разлучат.

Безопаснее всего было бы на Земле, подумал он.

— Но как ты там будешь без меня? И как я здесь буду один? Можно было бы попросить Анку, чтобы дружила с тобой там. Но как я буду здесь без тебя? Нет, на Землю мы полетим вместе. Я сам поведу корабль, а ты будешь сидеть рядом, и я буду все тебе объяснять. Чтобы ты ничего не боялась. Чтобы ты сразу полюбила Землю.

В фильме Кира только орет, шипит, как кошка, плюется.

Разговор о Боге, центральная сцена, давшая название повести, происходит не в доме, не в присутствии Киры, как описывают Стругацкие. Некому было посмотреть на него «с ужасом и надеждой».

Было уже далеко за полдень, когда Кира пригласила благородного господина и его высокоученого друга к столу. Доктор Будах, отмывшийся, переодетый во все чистое, тщательно побритый, выглядел очень внушительно. Движения его оказались медлительны и исполнены достоинства, умные серые глаза смотрели благосклонно и даже снисходительно.

В фильме сцена происходит на каких-то задворках во время совместного молебствия. Бормоча что-то, журча одновременно, они говорят о Боге. Точнее, бормочут.

Режиссеры любят поправлять писателей. Вот показался им ненужным барон Пампа (а Румата гордился, что спас его), так они убьют его, утыкав стрелами, как дикобраза.

Для тех, кто любит повесть, но не ушел через пять минут из кинозала, просмотр превратился в угадывание героев, ситуаций и реплик. Я встречал таких кинозрителей, которые не угадали вообще ничего, хотя повесть читали не раз.

Фильм вызвал шквал резких рецензий, реплик, постов в интернете. Но братья-кинематографисты все-таки дали ему всевозможные статуэтки и премии.

«Тихий Дон», снятый и не законченный великим Бондарчуком, снимался на американские деньги, на их восприятие русских, на их понимание российской истории. Но тем не менее книгу-то надо было прочитать. Актер Руперт Эверетт, открытый гей, играет Григория Мелехова как человека отвратительного — жестокого, неопрятного (хлещет мутный самогон, который течет по подбородку), живущего в какой-то халупе, а не в казацкой просторной хате. Я думаю, что если бы режиссеру пришла в голову такая веселая мысль: уложить на пол в этой хате все семейство Мелеховых, то места просто бы не хватило. Я уже не говорю про баз — хозяйственный двор: с конюшней, коровником, курятником, постройками для сельхозинвентаря, а так же баней и отхожим местом.

Нет необходимости обсуждать сам фильм, это жалкое зрелище: жидкие атаки «казацкой лавы», разухабистые гуляния, эротические сцены. Все по-американски. Думаю, что и сам Бондарчук видел это. Время было для кино беспощадное — все быстро умирало. Он взял эти западные деньги, но и выпускать на экран это детище не стал. В похожей ситуации актриса Фаина Раневская, снявшаяся в рекламе, сказала: «Деньги прожрала, а стыд остался».

И тут срабатывает сыновний синдром — дети великих режиссеров заканчивают фильмы и выпускают их на экран. Возникает вопрос: зачем? Вас об этом спросили? Если папа не доделал кино, хотя сто раз мог это сделать, значит, на это есть причины!

Но самое главное — от этого страдает Русская Проза. Как-то надо урегулировать эти отношения между субъектами права. Это, говоря дипломатическим языком, провокация. Вторжение на чужую территорию.

ЧИТАТЕЛИ

Прежде чем обвинять читателей в кризисе русской прозы, нужно понять, что на одном историческом отрезке собралось несколько групп читателей. Это не просто «Отцы и дети» и даже не «отцы и сукины дети», это люди разных эпох. За последние четверть века поменялись как минимум четыре эпохи: советская, горбачевская, ельцинская, путинская. Воистину: «Какое, милые, у нас Тысячелетье на дворе?» Порою отцам понять детей труднее, чем русскому понять турка.

Нас с детьми могла бы помирить русская литература, но мы разбежались по разным читательским квартирам. Старшее поколение беседует с Толстым и Чеховым, Шукшиным и Нагибиным, а их дети — с Владимиром Сорокиным и Людмилой Улицкой, с Александром Кабаковым и Владимиром Маканиным. По крайней мере, это тоже русская литература. Внуки уже предпочитают стиль фэнтези. «Волшебник Изумрудного города» как-то быстро эволюционировал в юного волшебника Гарри Поттера.

Громких имен в российской прозе много. А читателей все меньше. Это видно не только по обвальному падению тиражей литературных журналов, а еще и по всероссийской ликвидации домашних библиотек (менее трех процентов осталось, это ниже статистической погрешности), а также это видно по среднему уровню интеллекта молодых и немолодых, но начинающих писателей.

Я давно подозревал, что Русская Проза — это самостоятельное энергетическое образование, способное осмысленно совершать различные действия. Она подкидывает гениальные идеи тем, кто ищет, она утраивает силы, когда писатель достигает определенной степени контакта, она может бросить в депрессию, даже убить, если пишущий погрешил против законов Ея.

Надо с прискорбием признать, что многие авторы сейчас не только не владеют приемами классической прозы, но даже и не совершают усилий овладеть этим ремеслом. Чаще эти изданные в толстых переплетках прозаические опусы напоминают схему, длиннющий синопсис, просто черновой набросок.

Главное, что видно невооруженным взглядом — это нежелание и неумение живописать. Сейчас вы вряд ли найдете у современных авторов «чуден Днепр при тихой погоде». Но не только пейзажными описаниями пренебрегают авторы. Отсутствует портрет как обязательный художественный прием. Все мы помним, как выглядел Гришка Мелехов, какой был увалень Пьер Безухов, да они, согласитесь, реальнее многих живых людей...

А что есть современные литературные герои? Зачастую они просто названы. Как в социальных сетях. Есть ник. Даже иногда есть аватар. И все. Это неживые персонажи. Дурилки картонные — плоские и бесцветные. Вот несколько цитат.

Я не указываю авторов по простой причине. Те, кто живы, еще могут исправить-ся, а те, кто умер — им все равно. Говорят, что критиковать и обсуждать умерших авторов нетактично. Ну, во-первых, критика чаще тем и занимается, что анализирует тексты умерших авторов, во-вторых, латинскую поговорку «О мертвых хорошо или ничего» несколько урезали в современном варианте. Латиняне говорили: «... или ничего, кроме правды». Впрочем, *правда* в литературе — понятие субъективное.

Итак...

Моп атоир, лет семнадцать я тебя так называю. В последнее время стал часто обращаться к тебе по-русски, восклицая по поводу и без: «Любовь моя». Когда ты злишься на меня, то упрекаешь: «Хватит повторять уже топ атоир да топ атоир, а ничего такого в твоём поведении я что-то не наблюдаю». Тогда, чтобы еще больше подразнить тебя или самому защититься, я, как всегда, отмахиваюсь: «Да, ты права — это у тебя кличка такая».

Мне уже пятьдесят лет. Прошло двадцать пять с тех пор, как мы познакомились. Многие из того, что я напишу сейчас, ты уже знаешь: никогда мне не удавалось укрыться от твоих расспросов-допросов, умеешь же ты все-таки вытянуть из меня почти все до капельки. Почти. Ницше высказался по этому поводу вот как: «По-настоящему близкий человек — это тот, кто знает твое прошлое, верит в твое будущее, а сейчас принимает тебя таким, какой ты есть». Я не раз тебе повторял, что каждый человек имеет право на свой затаенный уголок, куда доступ всем остальным людским особям строго ограничен. В русском языке есть слово, которое хорошо отражает то, о чем я сейчас говорю (но не только, а в данном случае не столько), — «исподнее». Это не грязное белье, нет. Это слово берет начало от древнерусского «исподъ», то есть «низ». Но не хочу сейчас углубляться в серьезный разговор. Скажем так: очень просто все. Вверху у человека что? Голова. А внизу? Нет, не ноги. А то, что между ними. Опять я за свои шуточки. Как ты говоришь? Скабрзные? Ну, да ладно. Не это важно.

Говорят, это неореализм. А, по-моему, это неумение писать прозу.

Раньше, и в самом деле, страна узнавала себя бескрайнюю, себя великую через книги лучших писателей: от Валентина Распутина — о Сибири, от Василия Шукшина — об Алтае, Василий Белов рассказывал о вологодской деревне, Виктор Астафьев — о Енисее. И это было не территориальное деление, просто каждый писал о родной земле, о том, что он знает лучше всего, они делились своими знаниями, своей любовью и болью.

Сейчас же современные авторы, получившиеся из книжных мальчиков и девочек, страны зачастую не знают, нигде не жили, не ездили, не видели.

Отсюда и сюжеты надуманные, поступки героев нелепые, голоса одинаковые — не отличишь. Зачем пишут эти авторы — остается загадкой.

Вот такой текст.

Повесился

Рано утром, еще не было и пяти часов, услышала в подъезде шум, какой-то суетливый, тревожный — значит, что-то произошло серьезное. Вышла. Повесился сосед. Повесился в ванной на трубе, — сказали соседки. Что только ни говорили: — Жена довела, сам был не от «мира сего».

У меня из головы не выходил его образ и разговоры с ним. Я далеко от дома уже не могу уходить, садилась на лавочку и вязала салфетки. Володя — мужчина лет пятидесяти с небольшим, приятной внешности, идя с работы, часто подсаживался и общался со мной, он был какой-то застенчивый, очень вежливый — правда, не из нашего «мира сего». Жена его — казачка с особой статью, но в поведении с людьми — грубая, а проще говоря, хабалка. Он был городским, а она из села, недалеко от Михайловки. Я вспоминала, что все ссоры в доме были спровоцированы ею. У нее была способность объединять людей и направлять на кого-нибудь. Когда у нее в огороде под окном выкопали два ряда картошки, то был чуть ли не обыск всех квартир. Если белье повесит на веревке во дворе, то никто не смел выходить со своими половиками и трясти их. Без конца собирала деньги на ремонт дома, а потом забывала сказать, что отремонтировали и показать документы, а кто требовал, то она делала им мелкие пакости. Мне она не нравилась, и она это чувствовала, но в подъезде многие объединялись вокруг нее. Мне иногда кажется, что людям присуще чувство телячьей преданности тому, кто сильнее или богаче. Муж ее — Володя, который повесился, — работал на Михайловском заводе... и так далее.

Там дальше ничего нет, обычный монолог пенсионерки на скамейке.

Впрочем, для чего люди пишут — ответ простой. Хочется статуса. А тут тиснул рассказик на ПРОЗА.ру, вроде как и приобщился. Раньше было две категории пишущих: литераторы (они и не скрывали своих ученических амбиций) и писатели (а это были властители дум). Сейчас все называют себя писателями.

Русская проза всегда была многослойной. Есть такие россыпные месторождения золота. Намоет река, как старатель, слой золотого песка, а тут и жила иссякла. Ничего, время есть — моет дальше, снова добирается до другой золотой жилы, потом до третьей. Так и получается слоеный золотой пласт. Мощная драга, с двумя десятками огромных ковшей, в каждый из которых войдет легковой автомобиль, сможет поднять весь металл, а мужичок с лотком возьмет горсточку. Так и у лучших русских романов, каждый найдет свое — кто-то батальные сцены, кто-то — любовь, кто-то судьбу страны. Можно всю жизнь перечитывать один и тот же роман, каждый раз открывая что-то новое.

Современная проза часто бывает жидкой на сюжет, бедной на события.

Настоящие прозаики не просто живописуют, они создают свои миры и населяют их живыми людьми. Так поступают демиурги. Современные авторы просто чертят схемы. Если по пунктам, то современных писателей характеризует:

- нежелание и неумение живописать,
- нежелание передавать душевное состояние героев,
- скверное знание реалий жизни,
- отсутствие проблемы, а вместе с этим и собственной позиции к описываемым событиям,

- непонимание — для кого он пишет. Для чего пишут многие авторы — видно невооруженным взглядом. А вот для кого? Для себя? Для друзей? Для коллег и начальства? Для издателей? Для читателей?

А есть и главный побудительный повод — человек пишет для Русской Прозы.

Отдельным и новым явлением стала российская пенсионерская проза. Раньше было проще — вышел генерал от инфантерии или статский советник в отставку, так обязательно сидит себе и пишет мемуары. Обычным простым слогом. Бакенбарды теребит... А нынче все это зачем-то облекается в форму художественного произведения — романа или повести. Деньги для издания такой прозы у наших пенсионеров есть, связи не утеряны, романы выпускаются хорошими тиражами. Конечно, главный герой там — сам автор. Там он молодой, дерзкий, принципиальный, чуть что — бьет в челюсть.

Я именно почувал, а не услышал движение за спиной. И тренированные, умные мышцы, опережая сознание, сработали экономно и точно: перенятым у Глеба приемом я отбросил вверх руки мужичка и нырнул под него с шагом в сторону.

Над головой кокнуло, будто «бабой» по свае. Мысль еще металась в поисках. Но едва я сделал два шага, как на меня наскочил низкорослый, плотный мужичок. Я было подумал, что запоздалый гость нечаянно наткнулся на меня в темноте. Собрался сказать «извините» и «пропустите». Но он уже цепко схватил меня за грудки и, дохнув крутым, душным перегаром, протянул: «Ты-ы... Да-а-а...»

У боксеров долги тренировками вырабатывается собачье чутье. В момент опасности они «видят» спиной, кожей чувят ответ на вопрос: «Что это?». А умные мышцы ног уже выносили тело наверх, а зрячие мышцы спины и плеча уже развернули корпус и подбросили кулак полусогнутой правой вверх — точно в челюсть второму, со спины зашедшему.

Под кулаком хрунуло, но я не ощутил удара, значит, попал точно. Я шагнул в сторону, готовый встретить очередного противника. Встречать было некого. Двое лежали голова к голове и рядом полено. Увидев его, я понял, что удар им должен был достаться мне, но пришелся по голове первого «гостя».

Молодые люди читают и думают, что это и есть настоящая проза. Критиковать же молодых писателей пенсионного возраста бесполезно. Чехов писал, что «писатели обидчивы, как пудели». Он еще не видел современных старых пуделей.

Роман «Обитель» Захара Прилепина стал самой популярной книгой года среди посетителей московских библиотек, сообщает агентство городских новостей «Москва».

«При составлении рейтинга учитывались данные, которые каждый месяц собирали для МГБЦ самые популярные библиотеки в каждом из округов Москвы. В топ-10 попали издания, которые читатели чаще всего брали из библиотек. Десятка

лучших была выбрана из ста шестидесяти пяти произведений ста тридцати четырех авторов, которые лидировали в своем округе в каком-либо месяце», — сообщили в Московском городском библиотечном центре.

Второе место заняла книга Людмилы Улицкой «Детство 45–53: а завтра будет счастье», третье — «Любовь к трем цукербринам» Виктора Пелевина.

Кроме того, в десятку вошли книги Дины Рубиной, Сергея Лукьяненко, Федора Достоевского, Донны Тартт, Эриха Марии Ремарка, Джорджа Мартина и Рэя Брэдбери. Отмечается, что в топ-30 также пять книг Бориса Акунина.

Уже повеселее выглядит список имен, чем у издателей, но изменения не принципиальные. Российские читатели все-таки больше предпочитают чтиво.

Но это не страшно для Прозы. Ее уже начали покупать и переводить в Китае. Если совсем будет туго — выкупим назад. И снова переведем на русский.

Что же делать, воскликнете вы. А ничего. Точнее, писателям нужно писать. У журналистов есть комплиментарная для себя, любимых, шутка: если весь мир погибнет, то журналисты еще десять лет будут рассказывать — как он погиб и почему. Не будут. Говорю это ответственно, как человек, проработавший полжизни в журналистике. Как только исчезнет у газетчика печатный станок, а у радиийщиков и телевизионщиков их студии, они просто уйдут. А вот писатели, настоящие писатели, вот они и будут еще сто лет рассказывать — как погиб мир и почему.

Как помочь русской прозе? Не знаю. Вернуть издательские планы, Дома творчества, начать финансировать журналы и альманахи? Опять начнется толкотня около кормушки, и, как всегда, наиболее талантливые будут первыми затоптаны и замараны.

Да и не наше это дело — давать рекомендации. Александр Герцен как-то сказал: «Мы не лекари, мы — боль». Неплохо сказано для человека, который помог (при активной помощи русской литературы) развалить Российскую империю.

P.S. Кстати, вот и ответ, как говаривал некогда принц Датский Гамлет: русская проза и в наши времена не пришлась ко двору по простой причине — это мощный рычаг для того, чтобы перевернуть любую страну, даже такую, как Россия.

Сколько раз цитировал В. И. Ульянов (Ленин) Салтыкова-Щедрина? Гоголя? Чехова? Тургенева? Толстого Льва Николаевича? Достоевского? Пушкина? Лермонтова? Десятки, сотни раз. Советские историки посчитали все цитаты до запятой, не буду утруждать вас цифрами. Главное не количество, а сила слова — каждый раз, цитируя русских писателей, он бил по больным местам. В конце концов, сработало.

Но было бы глупо обвинять, как это иногда бывает, русских писателей, Русскую Прозу и ее авторов во всех бедах, навалившихся на нас после революции.

Мы часто любим цитировать Екклесиаст: «...Во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». А я хочу напомнить несколько слов из начала этой мудрой мысли: «...и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем...»

Упражнялись! Вот один из смыслов занятия прозой. Мы просто упражняемся, господа.

